

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПОЛЬСКИМ¹

Лариса Писарек

1. К значительным научным достижениям логико-философской мысли XX века можно отнести созданную английским философом Джоном Остином² теорию речевых актов (ТРА), которая предопределила одно из направлений в лингвистических исследованиях наших дней, особенно в области синтаксиса. Сделав объектом своего изучения не просто предложение, высказывание, а реализуемые ими действия, или речевые акты (РА), теория эта расширила поле лингвистических изысканий и помогла по-новому увидеть традиционные грамматические проблемы. Анализ материального воплощения РА-ов, или установление соответствия между РА-ами и единицами речи, стал программным заданием новой теории. Особую значимость приобретают данные исследования в конфронтативном плане, поскольку они вскрывают национальное своеобразие речевых действий в разных языках. Этим в какой-то степени объясняется и выбор темы нашей работы, посвященной сопоставительному рассмотрению РА-ов в русском и польском языках.

Предметом сопоставления является реализация следующих речевых действий, относящихся к классу экспрессивов:³ благодарностей, извинений, приветствий, прощаний, поздравлений и пожеланий. Выбор данного типа речевых действий мотивирован, во-первых, разнообразием и разнообразностью их форм выражения; во-вторых, чрезвычайно активным участием данных актов в речевом общении и, в-третьих, отсутствием

¹ Основные положения, развиваемые в статье, подробнее представлены в монографии: *Pisarek, L.: Речевые действия и их реализации в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы)*, Wrocław 1995.

² *Austin, J. L.: How to Do Things with Words*, Oxford 1962. Русский перевод см.: Слово как действие. Пер. А. А. Медниковой, (в:) Новое в зарубежной лингвистике, вып. 17, Москва 1986, с. 22–129.

³ О классе экспрессивов подробнее см.: *Pisarek, L.: op. cit., s. 27–38.*

в литературе предмета систематического описания реализаций экспрессивов в сопоставительном плане. Ограничение описания лишь названными выше речевыми действиями объясняется тем, что именно они как акты, чаще всего выступающие в повседневном речевом общении, образуют ядро класса, являются его главными представителями. Цель предлагаемого исследования мы видим не только в установлении межъязыковых сходств и различий в возможностях выражения данных актов, но и в более глубоком познании их сущности и специфики в каждом из сопоставляемых языков.

Не менее важной задачей теоретического (и методологического) характера является определение исходных понятий, использование которых позволит адекватно описать языковые данные и будет способствовать их объяснению. Понятийный аппарат стандартной ТРА, используемый для анализа и интерпретации материала,⁴ мы расширяем за счет введения двух новых понятий, а именно: понятия **перформативной парадигмы** и понятия **синтаксической модели перформативного предложения** и ее потенциальных модификации, а также с парадигматическими связями перформативных высказываний. Остановимся на этих вопросах подробнее.

2. При анализе средств выражения речевых действий в центре внимания исследователя неизбежно оказывается проблема **перформативного предложения**. Именно оно, являясь языковой реализацией акта речи, однозначно эксплицирует его иллокутивную силу. Между тем вопрос о составе класса перформативных предложений вообще и о перформативных формах предложения в частности все еще не получил в литературе предмета однозначной интерпретации. И даже само понятие **перформатива** используется в наше время в разных значениях.⁵ Нам

⁴ Материалом анализа явились эмпирические данные, извлеченные из оригинальных текстов художественной литературы и их переводов, из публицистических текстов, а также из лингвистической научной и учебной литературы на русском и польском языках. Эти данные были дополнены нашими собственными наблюдениями над функционированием живой русской и польской речи, поскольку интересующие нас РА относятся к единицам речевого этикета, необходимо указать на объективную ограниченность материала.

⁵ См. подробнее: *Богданов, В. В.*: Перформативное предложение и его парадигмы, (в.) Прагматические и семантические аспекты синтаксиса, Калинин 1985, с. 18–28; он же, Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты,

представляется наиболее строгим использование данного термина по отношению к высказываниям, равносильным действию, или же к форме 1-го лица ед. числа наст. времени действительного залога индикатива иллокутивных глаголов.

К релевантным признакам перформативного предложения, реализуемого перформативными высказываниями, относятся следующие:

1) **эквивалентность**, т. е. эквивалентность действию: *Я благодарю, поздравляю, приветствую* и есть акты благодарности, поздравления, приветствия;

2) **неверифицируемость (самоверифицируемость)**, т. е. неприменимость к ним логического критерия истинности/ложности;

3) **автореферентность**, т. е. обозначение ими того действия, которое совершается при произнесении высказывания;

4) **автономинативность**, т. е. способность называть свой собственный РА (*Я благодарю* – благодарность);

5) **фиксируемость** грамматической формы. Обычно это высказывания с иллокутивным глаголом в форме 1-го лица ед. числа наст. времени активного залога индикатива.

Перечисленные особенности характерны прежде всего для так называемых **эксплицитно-перформативных** предложений (высказываний), имеющих в своем составе иллокутивный глагол в перформативном употреблении. К тому же, в класс перформативных предложений могут быть отнесены все коммуникативные типы, содержащие какие-либо явные показатели своей иллокутивной силы (интонацию, наклонения, вопросительные частицы и т. д.). Побудительные и вопросительные высказывания отличаются от повествовательных эксплицитно-перформативных высказываний отсутствием **автономинативности** (*Я прошу тебя сделать это* – просьба; *Сделай это* – просьба, совет, требование и т. д.), что является причиной неоднозначного прочтения иллокутивной силы побудительных высказываний. Данный тип называется иногда **имплицитно-перформативным**.

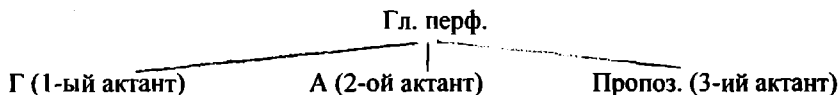
В настоящее время наиболее приемлемым и аргументированным представляется отнесение в класс перформативных предложений двух типов: эксплицитно-перформативного (повествовательные предложения

Ленинград 1990, с. 58–68; *Падучева, Е. В.*: Высказывание и его соотношенность с действительностью, Москва 1985, с. 19–23; *Апресян, Ю. Д.*: Перформативы в грамматике и в словаре, «Известия АН СССР, СЛЯ» т. 45, 1986, 3, 208–223.

с иллокутивным глаголом в I лице) и имплицитно-перформативного (побудительные и вопросительные предложения). Принимая данную точку зрения, отметим сразу же наличие разнообразных форм перформативных высказываний, реализующих эти предложения.

3. Структурные особенности перформативного предложения обусловлены тем, что оно отражает структуру перформативного акта. К облигаторным компонентам последнего относятся следующие: 1) 1-ое лицо говорящего – Г; 2) перформативный глагол, эксплицирующий иллокутивную силу – Гл. перф.; 3) слушающий, адресат – А.; 4) содержание перформативного акта – пропозиция. Эти же компоненты представлены в синтаксической структуре перформативного предложения.

Важно подчеркнуть, что перформативное предложение, как и любое предложение, построено по определенному структурному образцу, или синтаксической модели. Перформативные высказывания реализуют глагольные модели, сообщающие о речевом действии лица Г и предполагающие наличие адресата А и компонента, соответствующего пропозиции: каузатива, делиберата и т. д. Схема модели может быть представлена как глагол-предикат (Гл. перф.) и его валентно обусловленные актанты:

В конкретной ситуации общения каждый из актантов может опускаться. Более того, может быть опущен и перформативный глагол. Таким образом возникают варианты перформативных высказываний.

Полное перформативное предложение, реализующее перформативный акт, можно считать прототипическим вариантом, или исходной формой. В речи обычно употребляются варианты, которые отличаются конструктивной неполнотой от исходной формы и которые, таким образом, по-разному отражают компоненты перформативного акта. Совокупность всех вариантов составляет парадигму перформативного предложения, или перформативную парадигму.⁶ Следовательно, парадигма

⁶ См.: Богданов, В. В.: Перформативное предложение и его парадигмы, с. 18–28; он же, Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты, с. 58–65; Писарек, Л.: К вопросу о парадигме перформативного предложения (на мате-

перформативного предложения, или перформативная парадигма – это совокупность перформативных форм предложения, объединенных на основе **инвариантного** значения перформативного акта. Говоря, например, о перформативной парадигме акта благодарности, мы имеем в виду совокупность перформативных высказываний, реализующих данный акт:

- (1) *Благодарю вас/тебя за помощь* (без 1-го актанта),
- (2) *Благодарю за помощь* (без 1-го и 2-го актантов),
- (3) *Благодарю вас/тебя* (без 1-го и 3-го актантов),
- (4) *Благодарю* (без актантов)

Интересно отметить, что в парадигму вписываются многие перформативные формулы, которые по своему составу являются неполными вариантами соответствующих перформативных высказываний (*всего хорошего, спокойной ночи, успехов, с праздником тебя* и т. д.).⁷ Перформативные предложения могут иметь парадигмы разного состава, обусловленные различными типами РА-ов, которые реализуются в данных предложениях.

4. Как известно, синтаксическая модель предложения может подвергаться различным модификациям: модальным, фазисным, субъективно-предикативным и прочим, образующим синтаксическое поле предложения.⁸ Перформативные предложения также подвергаются преобразованиям. Для осмысления вариантов перформативных высказываний важны модальные преобразования модели, такие как:

- (1) *Я хочу/хотела бы*

<i>Мне хочется/хотелось бы</i>	<i>поблагодарить вас/тебя</i>
<i>Я должна/рада</i>	<i>за помощь</i>

риале русского, белорусского и польского языков), «*Slavia orientalis*», t. XLII, 1983, 1, s. 89–95.

⁷ В данном случае не ставится вопрос об эллиптичности рассматриваемых высказываний и их идиоматичности, клишированности. Речь идет лишь о том, что по сравнению с исходной формой перформативного предложения они характеризуются конструктивной неполнотой. Не значит это, что мы подразумеваем их образование из полной формы путем элиминирования определенных компонентов.

⁸ О синтаксическом поле предложения см. подробнее: *Золотова, Г. А.*: Очерк функционального синтаксиса русского языка, Москва 1973, с. 196–243; она же, Коммуникативные аспекты русского синтаксиса, Москва 1982, с. 168–187.

- (2) *Разреши(те)/позволь(те)*
 (3) *Прими(те) мою благодарность.*

При данных модальных модификациях сохраняется перформативный характер высказывания, поскольку не утрачивается его эквиакциональность. Введение различных форм модальных глаголов или других предикатов в состав перформативных высказываний и подчинение им иллюкативного глагола в форме инфинитива придает перформативному высказыванию прагматическую отмеченность: большую степень вежливости, официальный характер и т. д. При этом происходит десемантизация модальных форм.

Рассмотрение перформативных высказываний, в том числе «вежливых» формул, с точки зрения возможных модификаций модели позволяет увидеть их системные связи с нормальным (каноническим) перформативом: *Я благодарю вас/тебя за помощь.* При таком подходе постановка перформативного глагола в форму инфинитива в модифицированных перформативных вариантах представляется вполне нормальной и закономерной. И в данном случае нет надобности особо оговариваться, что, кроме канонической глагольной формы, возможны иногда и формы инфинитива в перформативном употреблении. Эти случаи предсказуемы, если связать вопрос о грамматической форме перформативного глагола (и перформативного высказывания) с синтаксической проблемой исходной модели предложения и ее видоизменений. Учет модифицированных вариантов расширяет состав перформативной парадигмы.

Таким образом, рассмотрение различных форм перформативных высказываний с точки зрения модели перформативного предложения и ее модификаций позволяет представить разную грамматическую выраженность перформативов как результат определенного коммуникативно-синтаксического явления, характерного для русского (и польского) предложения вообще.

Как представляется, введение понятия перформативной парадигмы и ее модификаций в описание различных реализаций РА-ов дает возможность не только привести в определенную систему разнообразные формы перформативных высказываний, но и уточнить тем самым границы класса перформативных предложений, поскольку к нему относятся не только канонические формы (исходные формы), но и варианты, составляющие перформативную парадигму.

5. Переходя к проблеме конфронтативного описания реализаций РА-ов, следует подчеркнуть, что подобное исследование является примером ономазиологического сравнения, т. е. за основу сопоставления принимается определенное речевое действие, а объектом сопоставления являются формы выражения данного действия в сравниваемых языках. Поскольку мы исходим из положения, согласно которому перформативное предложение является основной формой реализации РА-а, то именно оно должно стать предметом сопоставительного анализа. Объектом конфронтативного рассмотрения при этом могут быть структурные особенности перформативных высказываний, разная реализация отдельных компонентов модели перформативного предложения, а также парадигматические и модификационные возможности перформативных высказываний. При таком подходе, связывающем вопрос о средствах выражения РА-а с синтаксической проблемой модели предложения, ее потенциальных модификаций и парадигматических связей, мы, во-первых, остаемся в строгих лингвистических рамках. Во-вторых, мы получаем инструмент систематизации эмпирического материала на новых основах, более простых и экономных, чем приводимый обычно перечень языковых данных. Это дает возможность выявить межъязыковые сходства и различия в формах выражения РА-ов в сопоставляемых языках, к чему и стремится каждое конфронтативное исследование.

Из принятия теоретических посылок, рассмотренных выше, следует определенная процедура сопоставления и схема систематизации языковых средств. Что следует считать релевантным при сравнительном описании перформативных высказываний?

1) Во-первых, заполнение позиции доминирующего компонента модели – Гл. перф., т. е. позиции предиката. В зависимости от заполнения данной позиции могут различаться не только средства реализации РА-а, но и характер номинации данного речевого действия – прямой или косвенный. С заполнением данной позиции связана и сама структура перформативных высказываний: эксплицитно-перформативная или имплицитно-перформативная.

2) Вторым важным моментом конфронтации является формальная представленность других компонентов модели перформативного предложения, особенно 2-го и 3-го актантов. В данном случае специфика выражения может быть вызвана особенностями грамматической системы сопоставляемых языков, как это имеет место, например, при выражении 2-го актанта в польском языке (ср. *pan, pani, państwo, panowie, panie*).

3) Существенным элементом сопоставления перформативных высказываний является их перформативная парадигма, которая может включать эксплицитно-перформативные и имплицитно-перформативные варианты. Состав этих вариантов, а также их количество могут различаться в сопоставляемых языках, обнаруживая нередко различия в узуальном употреблении некоторых форм.

4) И, наконец, модификационные возможности вариантов парадигмы являются значимым элементом в сопоставлении. Эти возможности могут быть разными в сравниваемых языках, так как различны формальные средства структурно-семантических преобразований перформативных предложений.

6. Итоги сопоставления, полученные в результате анализа эмпирического материала, позволяют сформулировать следующие общие выводы, касающиеся возможностей реализации выбранных РА-ов из класса экспрессивов в сравниваемых языках.

1) В русском и польском языках, близкородственных в генетическом и типологическом отношениях, наблюдаются значительные сходства в типе средств выражения рассмотренных РА-ов. К ним относятся:

– эксплицитно-перформативные высказывания, т. е. конструкции с перформативными глаголами;

– имплицитно-перформативные высказывания, т. е. эквивалентные высказывания, не имеющие в своем составе перформативного глагола; это императивные по форме конструкции, повествовательные конструкции без перформативной части, отдельные словоформы модельного характера;

– различные модификации и варианты перформативных высказываний.

2) В обоих языках сходен состав облигаторных компонентов модели перформативного предложения, возможности ее модификаций, а также наличие подобных факультативных компонентов в составе модели. Интересно отметить, что в обоих языках прагматическая маркированность реализации РА-ов связана с модифицированными вариантами высказываний, с наличием в составе модели факультативных компонентов, с определенным заполнением предикатной позиции. Следовательно, прагматическая (стилистическая) маркированность вполне предсказуема.

3) О сходстве русского и польского языков свидетельствует также полифункциональность ряда реализаций РА-ов, т. е. возможность этих реализаций выступать с различной иллокутивной силой. Полифункцио-

нальность отражает более широкое явление – наличие прямых и косвенных речевых действий в речевом общении.

7. В свою очередь различия обнаруживаются в инвентаре, частотности и стилистической дифференциации средств выражения, а именно:

1) В русском языке преобладающим средством выражения выбранных экспрессивов является имплицитно-перформативный тип высказывания: *здравствуй(те)*, *прощай(те)*, *извини(те)/прости(те)*, *спасибо*. При приветствиях, прощаниях, извинениях, благодарностях именно имплицитно-перформативные высказывания являются основным, наиболее частотным, стилистически нейтральным средством. Имеющиеся возможности эксплицитно-перформативного выражения чаще всего представляют собой стилистически отмеченные реализации. Причем в некоторых случаях, например при реализации прощаний, эксплицитно-перформативное выражение выступает лишь в модифицированных вариантах (*разрешите пообщаться*).

В польском языке преобладает эксплицитно-перформативный тип реализации экспрессивов: *witam*, *żegnam*, *przepraszam*, *dziękuję* и т. д. Проявляется эта тенденция не только в возможностях заполнения предикатной позиции рядом перформативных глаголов и их аналитических эквивалентов, но и в составе членов перформативных парадигм, где преобладают эксплицитно-перформативные варианты.

Таким образом, обнаруживается функциональная эквивалентность имплицитно-перформативных реализаций в русском языке с эксплицитно-перформативными реализациями в польском.

2) Различен инвентарь лексических единиц, способных заполнять предикатную позицию в эксплицитно-перформативных высказываниях и в имплицитно-перформативных реализациях, представленных формально императивными конструкциями. Русский язык располагает меньшим количеством лексических единиц в данной позиции, чем польский. Различается также состав грамматических форм перформативных глаголов в предикатной позиции (ср., напр.: *желаю* – *życzę*, *składam życzenia*, *serdeczne życzenia*, *życzy*, *składa/przesyła życzenia* – 3-е лицо в перформативном употреблении). Это значит, что имеются различия в видо-временной и личной представленности перформативных глаголов в сопоставляемых языках.

3) Различны модификационные возможности моделей перформативных предложений в русском и польском языках. В русском имеется

меньшее количество формальных средств семантико-грамматических преобразований перформативных высказываний, чем в польском.

4) В русском языке ограничено количество интенсифицирующих модификаторов в составе эксплицитно-перформативных высказываний (ср., напр.: *поздравляю горячо, сердечно, от души, от сердца*). В польском возможны сочетания перформативных глаголов с большим количеством оценочных обстоятельств (ср., напр.: *gratuluję serdecznie, szczerze, gorąco, pięknie, bardzo, serdecznie, naprawdę bardzo pięknie* и т. п.).

5) Различна также роль эксплицитного адресата в сопоставляемых языках. В конкретной ситуации общения излишним бывает эксплицитное выражение данного участника РА-а. Имеются, однако, такие варианты перформативных высказываний в русском языке в которых при возможном опущении перформативного глагола эксплицируется 2-ой актант (ср.: *Всего вам dobroго*). Польский узус не допускает такого употребления.

Вместе с тем польский язык располагает большими возможностями местоименного выражения адресата в связи с наличием местоименных форм, способных отражать нейтральное или гоноративное отношение говорящего к адресату. Эта особенность грамматической системы польского языка ярко проявляется при реализации экспрессивов. Выражение адресата особыми местоименными формами (*pan/pani/państwo*) является стилистически маркированным.

6) Различается также соотношение между номинацией и реализацией экспрессивных РА-ов в сопоставляемых языках, т. е. не всегда имеется совпадение в возможностях номинации РА-а и реализации его при помощи одних и тех же глаголов. Не всегда глагол, называющий какой-либо РА, имеет перформативное употребление, т. е. используется для осуществления данного действия. Такое несовпадение характерно для русского языка (напр.: *здороваться, прощаться, извиняться*). Как кажется, в этом также находит проявление общая тенденция в русском языке к имплицитно-перформативному выражению РА-ов, относящихся к классу экспрессивов.

Представленные различия можно в определенной степени объяснить национальной спецификой правил речевого этикетного поведения русских и поляков, поскольку рассмотренные в работе речевые действия принадлежат к единицам речевого этикета. Правила же речевого поведения различаются в связи с различием общественно-культурных традиций, влияющих на данное поведение носителей разных языков.

К тому же, нетождественность реализации РА-ов в русском и польском языках, несмотря на близкое родство последних, является также результатом частичного расхождения языковой картины мира в сопоставляемых языках.